

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК X

СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1971

А. Л. Грюнберг

НУРИСТАН. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

*Памяти Н. И. Вавилова —
первого русского
исследователя Нуристана*

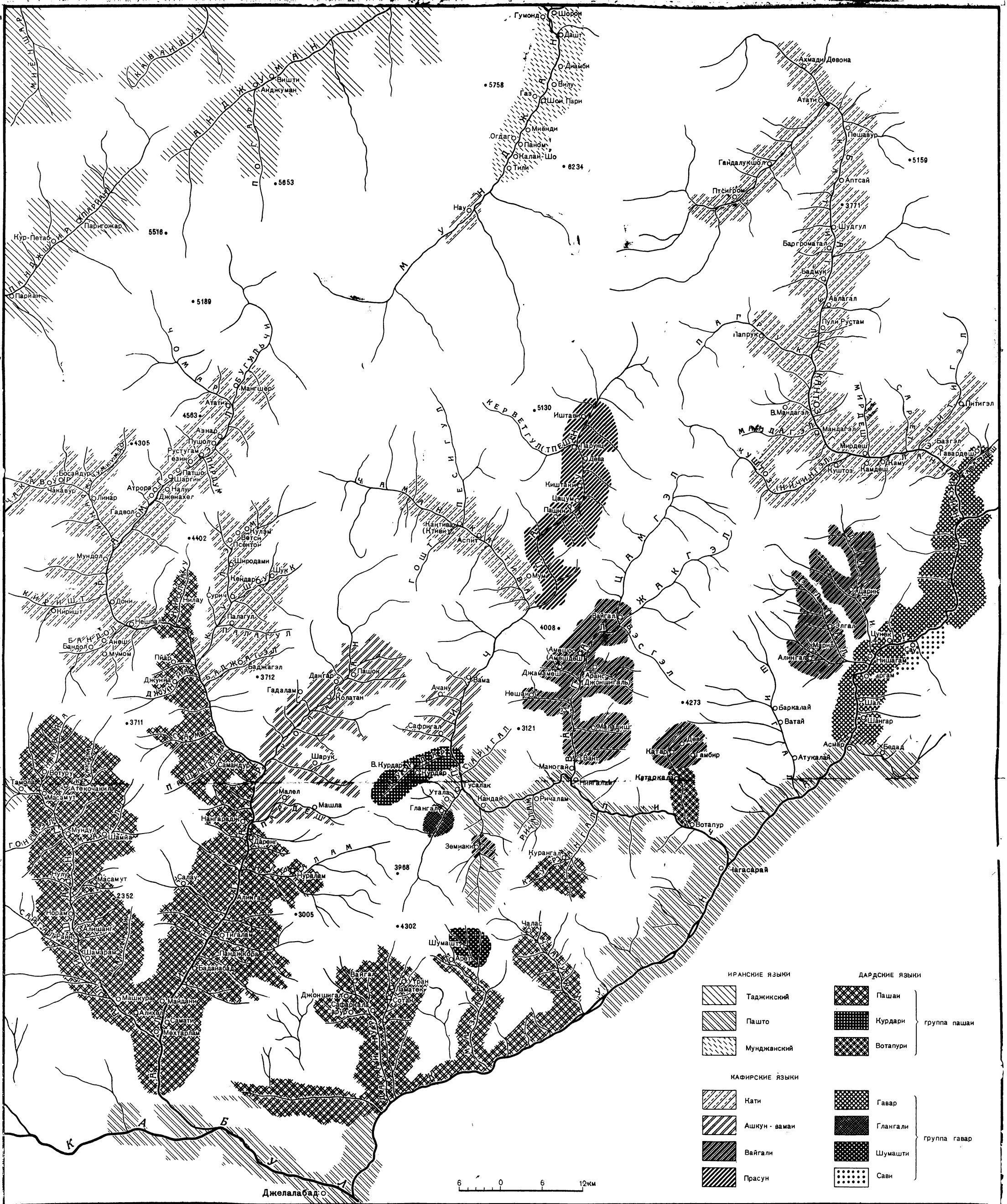
Одним из наименее исследованных районов Восточного Гиндукуша является Нуристан (бывший Кафиристан) — область Афганистана, расположенная в верховьях и отчасти в среднем течении трех рек; двух правых притоков р. Кунар¹ — р. Башгуль на востоке (Восточный Нуристан) и западнее р. Пич (Центральный Нуристан); далее к западу р. Алинггар, впадающей в р. Кабул выше устья р. Кунар (Западный Нуристан)². На севере естественную границу Нуристана составляет Главный хребет Гиндукуша, образующий резкий изгиб к югу в центре описываемого района (верховья р. Пич); здесь проходит водораздел между Центральным Нуристаном и бассейном р. Мунджан, правого истока р. Кокча. На северо-западе верховья р. Алинггар (ее правый исток — р. Рамгэль) близко подходят к верховьям р. Панджшир; ниже горные хребты отделяют собственно Нуристан от бассейна р. Алишанг, сливающейся с р. Алинггар недалеко от ее устья. На востоке Нуристан граничит через водоразделы с бассейном р. Читрал. С юга верховья рек, образующие Нуристан, отделены от их нижнего течения труднопроходимыми теснинами.

Чрезвычайная труднодоступность Нуристана способствовала сохранению здесь весьма своеобразных реликтовых языков и архаических черт быта, не находящихся прямых соответствий нигде за пределами Восточного Гиндукуша. Нуристан сохранял свою обособленность от внешнего мира до сравнительно недавнего времени. Лишь в 1895/96 г. он был завоеван войском эмира Абдуррахмана и включен в состав Афганистана, после чего эта область получила свое нынешнее официальное название Нуристан — Страна света (имеется в виду свет истинной веры, принесенной афганцами языческому населению страны). Завоевание Кафиристана, естественно, привело к вытеснению бытовавших здесь языческих культов³ официальной суннитской формой ислама и в связи с этим к утрате населением некоторых этнографических особенностей; как далеко, однако, зашел этот процесс, пока судить трудно, так как

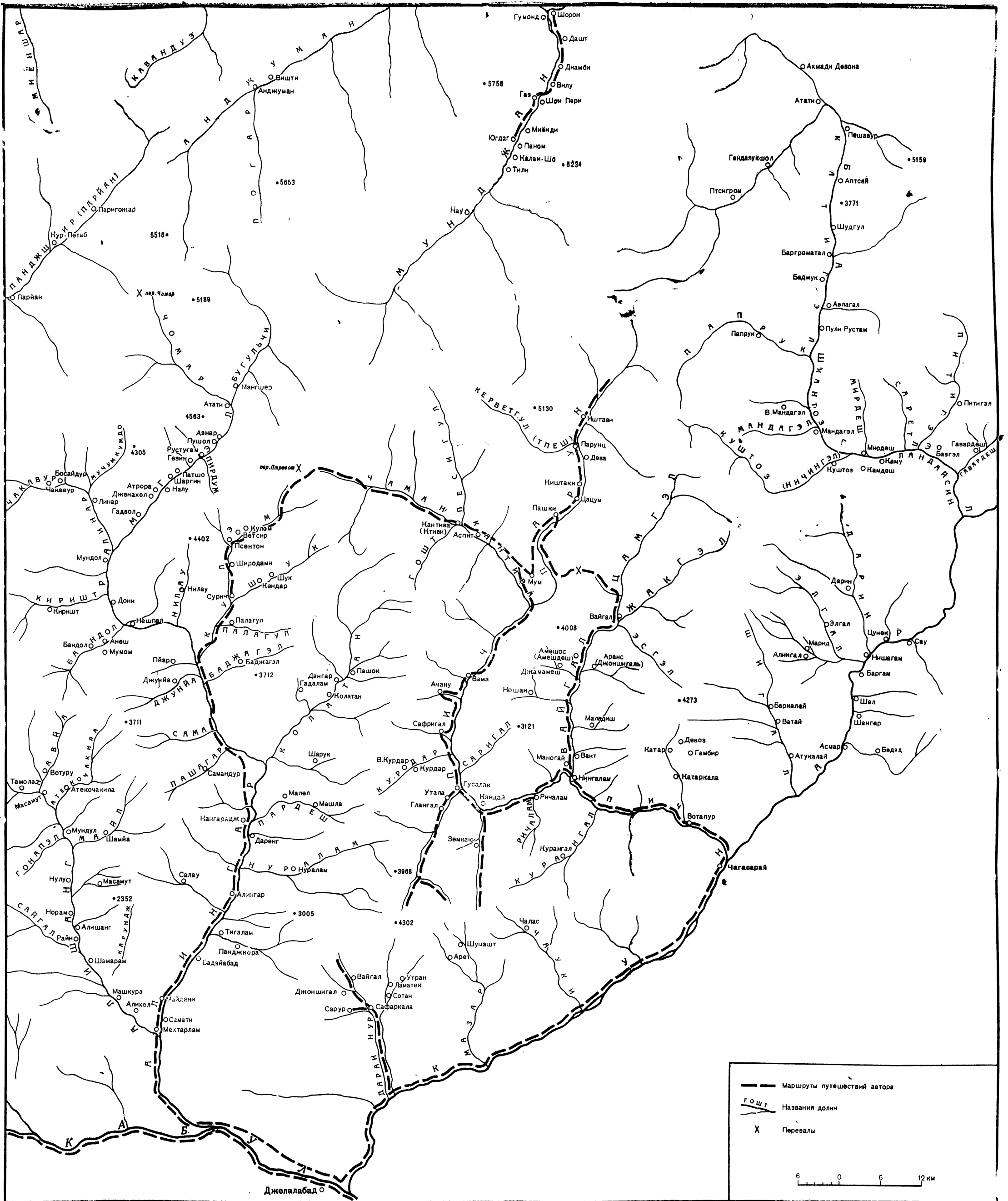
¹ Большой правый приток р. Кабул, впадающий в нее в районе Джалалабада; верхнее течение Кунара, на территории нынешнего Западного Пакистана, известно под названием Ярхун или Читрал.

² Здесь и далее см. карту на вклейке.

³ В нетронутом виде один из такого рода культов продолжает сохраняться в долинах Бумборет, Румбур и Бирир в верхнем Читрале [30, № 287, 300].

НИРИСТАН. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАРТА

НУРИСТАН (МАРШРУТНАЯ СХЕМА).
 НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ И ГИДРОСЕТЬ НАНЕСЕНЫ ПО МАТЕРИАЛАМ АВТОРА

наши сведения об этнографии современного Нуристана в целом скудны и отрывочны⁴.

Сказанное выше позволяет утверждать, что Нуристан представляет весьма плодотворное поле для исследований, в частности в области языкознания и этнографии,— исследований, значение которых выходит далеко за рамки этого района,— и вполне объясняет тот растущий интерес к Нуристану, который наблюдается в европейской науке в настоящее время.

По языковому признаку население Нуристана делится по крайней мере на четыре группы:

Первая из них, говорящая на языке кати, населяет Восточный Нуристан — долину р. Башгуль от сел. Гавардеш (Гурдеш) в среднем течении до ее верховьев (восточная группа говоров), а также долину р. Кантыва (Ктиви) — левого истока р. Пич (Центральный Нуристан) и долины рек Рамгэль и Кулэм, истоков р. Алингар в Западном Нуристане — до их слияния (западные говоры).

Между двумя указанными районами вклинивается долина р. Парун (Ирасун, Прунгель) — левого истока р. Пич, население которой говорит на языке паруни (васи, васи вери, прасун) и известно в литературе под названием прасунских кафиров.

Долина р. Вайгал — большого левого притока р. Пич, берущего начало, как и сама р. Пич, в Главном хребте, почти до самого устья населена вайгальцами (вай, вайгали; последний термин употребляется и как обозначение их языка). Близко к вайгальцам по языку население сел. Земиаки (Джамлам) в долине р. Чапа-Дара, правого притока р. Пич, и, возможно, сел. Гамбир и Катар в долине р. Катар (левый приток, впадающий в р. Пич в ее низовьях); оба эти селения находятся уже за пределами собственно Нуристана⁵.

Наконец, население долин Баджайгэль, Маджагэль и Тетин (Пардеш), левых притоков р. Алингар, ниже слияния р. Мамгэль и Кулэм говорит на языке ашкун; к языку ашкун относительно близки говоры сел. Вама в долине р. Пич, выше сел. Гусалак, представляющего южную границу Нуристана и сель Сафригал и Ачану (в правых притоках р. Пич, между Вама и Гусалаком).

В непосредственном соседстве с нуристанцами живут этнические группы, говорящие на дарских языках — пашаи в Западном Нуристане, гавар в Восточном Нуристане. Низовья р. Пич заселены афганцами-сафи, с вкраплениями дардских языковых островков (дол. р. Курдар, правого притока р. Пич, ниже устья р. Сафригал; сел. Глангал в дол. р. Дигал, правого притока р. Пич; сел. Катар-кала в верховьях р. Катар, левого притока р. Пич, и сел. Вотапур и дол. р. Пич, возле устья р. Катар⁶; сел. Курангал в верховьях одноименного ущелья, левого притока р. Пич). Таким образом, общее количество языков, представленных в долине р. Пич, — не менее девяти — явление уникальное даже для Восточного Гиндукуша.

Языки четырех вышеуказанных групп нуристанцев — кати, ашкун-вамаи, вайгали, прасун — принято объединять в особую группу кафирских языков; при этом степень близости друг к другу языков кати, вайгали и ашкун-вамаи значительно больше, нежели близость каждого из них к языку прасун. Последний, по мнению Г. Моргенштерне, является едва ли не самым своеобразным из ныне известных индоевропейских язы-

⁴ Как, впрочем, и любые другие сведения, относящиеся к Нуристану.

⁵ Согласно другому мнению, язык сел. Гамбир и Катар не может отождествляться с вайгальским [12, стр. 8].

⁶ В настоящее время почти вымер [12, стр. 8].

ков (22, стр. 188), причем с большой вероятностью можно предполагать в нем наличие неиндоевропейского субстрата.

Выше была дана группировка населения Нуристана по языковому признаку⁷; значительно более сложными представляются этнические отношения между четырьмя перечисленными языковыми группами. Прежде всего, все эти группы не имеют какого-либо общего самоназвания; применяемые их соседями — афганцами-сафи по отношению к ним термины «джадиди» (новообращенный) и «кустйани» (искаженное перс. kuhistāni «горец») не являются этническими. Среди самих нуристанцев они малоупотребительны, а второй из них применяется и по отношению к другим дардским этническим группам, например, глангальцам.

Двусмысленный термин «кафиры» (из ар.-перс. kāfir «неверный»), заимствованный первыми европейскими путешественниками у мусульман — соседей нуристанцев и утвердившийся в европейской литературе, разумеется, также не этнический в своей основе. В современном Афганистане он, по вполне понятным причинам, по отношению к жителям Нуристана не применяется. Возможно, уместнее было пользоваться термином «нуристанцы», как это и делается в современном Афганистане, однако во избежание модернизации и терминологического разнообразия мы будем пользоваться, говоря о прошлом нуристанцев и их старых обычаях, традиционными терминами «кафиры» и «кафирские языки», понимая их как синонимы терминов «нуристанцы» и «языки Нуристана»⁸.

Относительная близость языков кати, вайгали и ашкун друг к другу ощущается и самими носителями этих языков. Кафиры, по крайней мере в Центральном Нуристане, осознают общее происхождение этих трех групп; все они, однако, противопоставляют себя прасунским кафирам, считая их другим, неродственным себе народом.

С другой стороны, как отметил в свое время А. Герлих, кафиры верхней части Восточного Нуристана, выше сел. Папрук (самоназвание Кантос), считают кафилов, живущих ниже по течению (самоназвание Кам, Камос), другим народом [15, стр. 173—174].

Интересно также отметить тот факт, что, согласно сделанным Герлихом [15, стр. 217—218] омберам (правда, немногочисленным), антропологическая группировка кафилов не совпадает с языковой. Герлих устанавливает большее сходство в физическом типе между прасунскими кафирами и кафирами-ашкун; вместе с тем последние значительно отличаются от кафилов сел. Вама⁹.

Отметим также, что обычное для мусульманской традиции разделение кафилов на сиѣхпушей (одетых в черное) и сафедпушей (одетых в белое) не имеет ни этнографических, ни лингвистических оснований и в настоящее время исследователями не применяется. Преобладание белого цвета в одежде характерно для Центрального Нуристана, т. е. для этнографически и лингвистически различных групп прасунцев, вамай и вайгальцев; последние две группы, имея между собой много общего в одежде, вместе с тем резко отличаются в этом смысле от прасунцев.

Что касается религии, то, по-видимому, у прасунских кафилов в этом смысле больше общего с кати, чем, например, с вайгальцами. Есть достаточно убедительные свидетельства того, что в Вайгале су-

⁷ См. стр. 265.

⁸ По поводу термина «кафир» см. также [29], стр. CVI—CVII.

⁹ Своеобразие физического типа прасунских кафилов по отношению к кафирам-кати и вамай бросается в глаза всякому, посещающему Нуристан; оно столь же хорошо заметно, как, например, различие между язгулемцами и шугнанцами на Памире.

ществовала особая религия, не идентичная или, во всяком случае, не вполне идентичная более известной религии восточных кати¹⁰.

Относительно общей численности кафиров нет точных данных; А. Герлих оценивал их количество в 34 тыс. человек, из них 10 тыс. восточных кати, 10 тыс. западных кати, 2 тыс. прасунских кафиров, 6 тыс. ашкун, 1 тыс. вамаи и 5 тыс. вайгальцев [15, стр. 175]; в более позднее время сообщались более высокие цифры, свыше 60 тыс. [7, стр. 82—83]; однако эти цифры представляются нам завышенными.

Единственным европейцем, которому удалось побывать в Кафиристане до его завоевания афганцами, был английский врач Д. С. Робертсон. Его книга «Кафиры Гиндукуша» (8; 28) продолжает оставаться единственным источником наших сведений о доисламской религии и быте кафиров. Эти сведения относятся к Восточному Кафиристану, преимущественно к сел. Камдеш, где он прожил около года в 1891—1892 гг., и отчасти к долине р. Парун, куда он совершил непродолжительную поездку; о Западном Кафиристане у него практически никаких сведений нет. Но и сведения о тех местах, где он был, при всей их огромной ценности страдают некоторыми существенными лакунами и недостатками. Как справедливо отмечают во введении к русскому переводу «Кафиров Гиндукуша» А. Половцов и А. Снесарев, самым значительным недостатком является «скудость лингвистических данных, вполне, впрочем, естественная ввиду неподготовленности автора к специально лингвистическим работам и, может быть, вследствие этого, неверное понимание части добытых данных» [8, стр. 1]¹¹.

После завоевания Кафиристана эта область в течение длительного времени оставалась закрытой для европейцев. Первыми европейцами, побывавшими в Кафиристане после его завоевания, были Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич, прошедшие в 1924 г. за четыре дня путь от Парунского перевала с Мунджаном по долине р. Парун (Центральный Нуристан) до с. Гусалак — южной границы Нуристана. Изучение этнографии и языков Нуристана не входило в задачу ботанической экспедиции Н. И. Вавилова; тем не менее в книге «Земледельческий Афганистан» [3, стр. 117—139] он сообщает о Кафиристане интересные сведения, в том числе этнографические и языковые; за это последующие исследователи Нуристана будут ему всегда благодарны. Раздел, посвященный Кафиристану в упомянутой книге, содержит также краткий очерк изучения Кафиристана (стр. 119—120). Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич были первыми и последними русскими исследователями, которым удалось побывать в Нуристане. Но и количество европейских исследователей из других стран, работавших в Нуристане, относительно невелико¹².

Следует упомянуть немецкую экспедицию в Гиндукуш 1935 г. В состав экспедиции входили антрополог А. Герлих и лингвист и этнограф В. Ленц. Ими написаны соответствующие разделы отчета экспедиции [15, стр. 168—246, 247—284]. Раздел, посвященный антропологии и племенному делению кафиров, несмотря на абсолютную неприемлемость теоретических посылок автора, включает в себе много ценной

¹⁰ Ср., например, существующие описания кафирского пантеона [8, стр. 64—95; 24, стр. 101—189] и перечень вайгальских богов у Эдельберга [17, стр. 174—175].

¹¹ Забегая вперед, отметим, что этим же недостатком страдает и большинство более поздних заметок по этнографии Кафиристана.

¹² Мы не ставим себе здесь задачей дать очерк истории изучения Нуристана. По этому вопросу см. «Библиографию по Нуристану (Кафиристану) и кафирам-калаша Читрала» [30, особенно № 89].

Нуристанцы сел. Вама

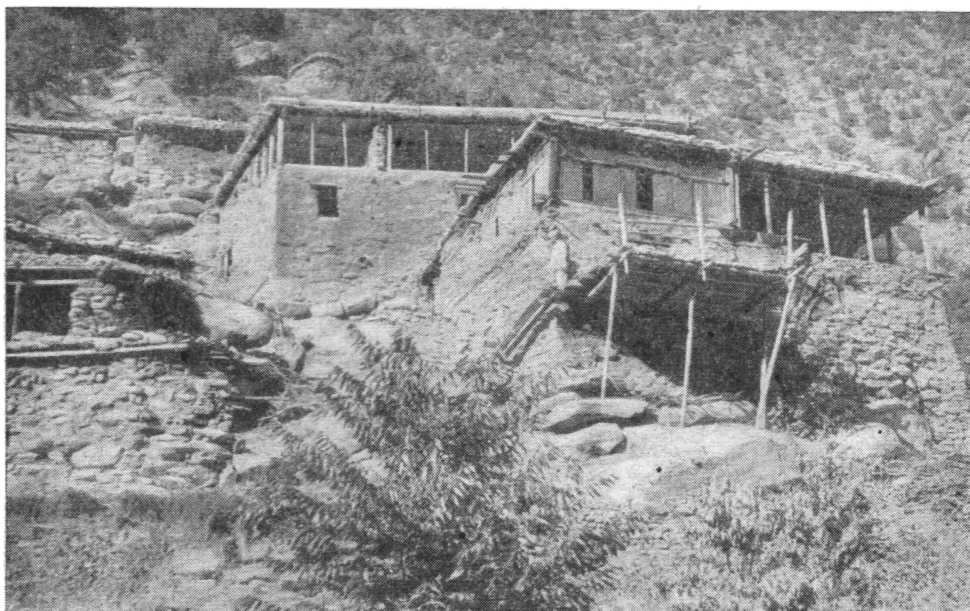
информации о социальных отношениях у кафиров, о строении семьи, кланов, роли рабов и т. п. Интересные сведения содержатся и в разделе «Языковые и этнографические исследования в Нуристане», хотя чисто языковых данных здесь почти нет; их заменяет описание собранных языковых материалов (стр. 274 и сл.), которые в дальнейшем так и не были опубликованы.

Особую ценность представляет раздел «Топографические работы экспедиции» (стр. 296—351), содержащий большие списки топонимов Нуристана, сверху вниз по долинам рек, с указанием троп и перевалов¹³.

В 1955/56 г. была организована Западногерманская Гиндукушская экспедиция; район работ экспедиции охватывал верхний Читрал, Дир и Сват. В этой экспедиции участвовал западногерманский лингвист Г. Будрусс, совершивший поездку в Нуристан и посвятивший значительное время изучению языка и мифологии прасунских кафиров и кафиров Вама. Им опубликована работа, посвященная мифологии прасунских кафиров [13]¹⁴ и подготовлены работы по языкам прасунских кафиров и кафиров Вама.

¹³ Необходимость в таком разделе была вызвана полной географической неизученностью области, в значительной степени сохраняющейся и поныне; достаточно сказать, что первая более или менее точная географическая карта (1 : 50 000) была составлена впервые (по данным проведенной в 1957—1959 гг. аэрофотосъемки) только в 1967—1968 гг. американской фирмой «Fairchild Aerial Surveys» (Лос-Анжелес) по заказу Министерства горных дел и промышленности Афганистана.

¹⁴ К сожалению, эта работа осталась мне недоступна.

Сел Сафригал

Значительную роль в исследовании исторической этнографии Кафиристана сыграли работы двух датских экспедиций 1947—1949 и 1953/54 гг. Из опубликованных по результатам этих экспедиций работ наиболее важными представляются работы Л. Эдельберга [30, № 79, 82, 83; последняя в соавторстве с А. Шефером и В. Ленцем, а также 17, стр. 153—202].

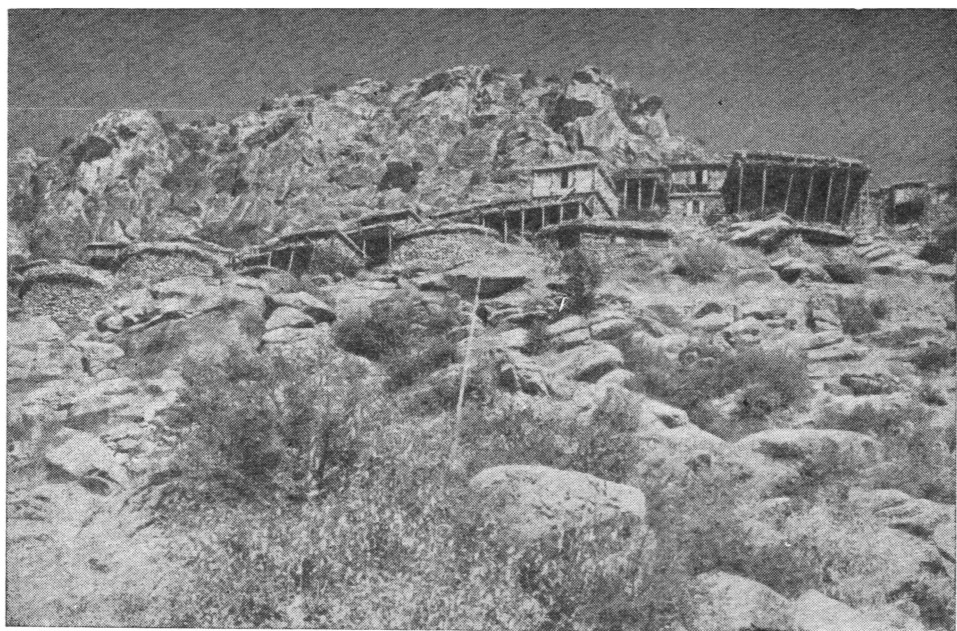
Как уже было указано, после Н. И. Вавилова и Д. Д. Букинича никому из советских ученых не удалось побывать в Нуристане.

Можно назвать лишь две советские публикации, посвященные Нуристану в более позднее время: статьи А. А. Поляка «Нуристан (Кафиристан)» [7] и заметка Гаврилина «Страна за семью печатями» [4].

Первая представляет собой краткий обзор имеющихся сведений о Нуристане. К сожалению, в этом обзоре не учтены важные публикации по Нуристану, в частности отчет германской экспедиции 1935 г. [15]; некоторые из сообщаемых здесь сведений носят явно ошибочный характер. К числу последних относится, например, группировка нуристанцев по языковому и племенному признаку [7, стр. 83]. Что касается второй заметки, то она представляет собой изложение впечатлений журналиста от кратковременной автомобильной поездки в нижнюю часть Восточного Нуристана и, по-видимому, не претендует на научность.

Автору настоящей статьи довелось в течение двух полевых сезонов 1963 и 1964 гг. работать в составе геологической партии в Центральном и Западном Нуристане и на южной границе Центрального Нуристана.

В 1963 г. (июнь и август) работа проходила в долинах двух правых притоков р. Пич — Дшал и Чапа-Дара. Долины обеих рек были пройдены от их устьев до самых истоков; в течение большей части указанного времени представилась возможность изучать бытующие в этом районе реликтовые языки — язык сел. Земиаки (дол. р. Чапа-Дара) и

— Сел. Ачану

язык сел. Глангал (дол. р. Дигал) ¹⁵, ранее известные лишь по упоминаниям у В. Ленца [15, стр. 273] и Г. Моргенштерне [23, стр. 241].

В сентябре—октябре 1963 г. был совершен (вместе с геологом С. Л. Шварковым ¹⁶) поход в Центральный Нуристан по следующему маршруту: от сел. Гусалак вверх по долине р. Пич с заходом в Сафригал и Ачану; мимо сел. Вам до слияния р. Кантыва (Ктиви) и р. Парун, образующих р. Пич; далее вверх по долине р. Кантыва почти до ее истоков; затем вниз до Мумского перевала в междуречье Кантыва и Парун; через перевал в долину р. Парун и вверх по долине до истоков реки; вниз по долине до устья р. Чатрас, левого притока р. Парун, несколько выше ее слияния с р. Кантыва; вверх по р. Чатрас до одноименного перевала на водоразделе р. Парун и р. Вайгал; через перевал Чатрас в долину р. Цамгэль до сел. Вайгал, расположенного у слияния р. Цамгэль с р. Вэсгэль. Отсюда вниз по р. Вайгал с заходом в сел. Вант и далее вниз по р. Вайгал до ее слияния с р. Пич, по долине которой проходит автодорога.

Таким образом маршрут проходил по всем селениям Центрального Нуристана, населенным кафирами-вама и прасунскими кафирами, по всем селениям Ктиви и двум вайгалским, включая самое крупное из них — сел. Вайгал.

В октябре 1964 г. вместе с С. Л. Шварковым был совершен второй поход в Центральный Нуристан. Вначале маршрут этого похода совпал с первым: Гусалак—Вама (в Ваме был нанят носильщиком

¹⁵ См. заметку автора об этих языках [5].

¹⁶ Пользуюсь случаем, чтобы выразить здесь ему, а также геологам П. А. Полковому, В. М. Народному, А. В. Трифонову и Г. С. Симкину свою глубокую благодарность за дружескую помощь, искреннее доброжелательство и понимание целей моей работы.

один из местных жителей, служивший автору в течение всего похода информатором по языку вамаи) — устье р. Кантива — верховья р. Кантива. От сел. Ктиви по долине Чаман мы прошли к перевалу Птревот; через перевал Птревот¹⁷ в долину Бетсир, приток р. Кулэм, и вниз по долине р. Кулэм с заходами в боковые ущелья до слияния р. Кулэм и р. Рамгэль; вниз по р. Алингар до сел. Нангарадж, где расположено волостное управление и немного выше которого начинается автомобильная дорога.

В феврале 1968 г. вновь была предпринята кратковременная поездка в долину р. Пич (ущелье Чапа-Дара).

Весной и осенью 1968 г. автор имел возможность изучать язык кати в г. Кабуле у служащего одного из афганских учреждений Нури Саида, уроженца Западного Нуристана; он оказался не только хорошим языковым информатором, но и сообщил автору много ценных сведений по современной этнографии и фольклору кафиров. По моей просьбе он записывал также на магнитофон тексты от нуристанцев-кати, приезжавших на короткое время в Кабул и, оказывал помощь в расшифровке и переписи этих текстов. Автор считает своим долгом выразить ему искреннюю благодарность.

Ниже сообщаются некоторые из этнографических и лингвистических сведений, собранных автором во время посещений Нуристана и работы над изучением языка кати в Кабуле. Размеры настоящей статьи заставляют автора ограничиться только материалами, относящимися к нуристанцам-кати, преимущественно Западного Нуристана. В основе сообщаемых сведений лежат записанные на языке кати рассказы, а также собственные наблюдения автора. Рассказы приводятся в суммированном виде.

Разумеется, излагаемые сведения не могут характеризовать достаточно полно ни этнографию и язык кати, ни даже собранный автором материал. Автор рассматривает настоящую публикацию как предварительную, считая опубликование собранных им материалов и более детальное изучение соответствующих вопросов делом будущего. Однако при том интересе к Нуристану, который наблюдается в настоящее время, и при том в целом малом количестве информации, которым мы о нем располагаем, можно надеяться, что и такого рода публикация окажется небесполезной.

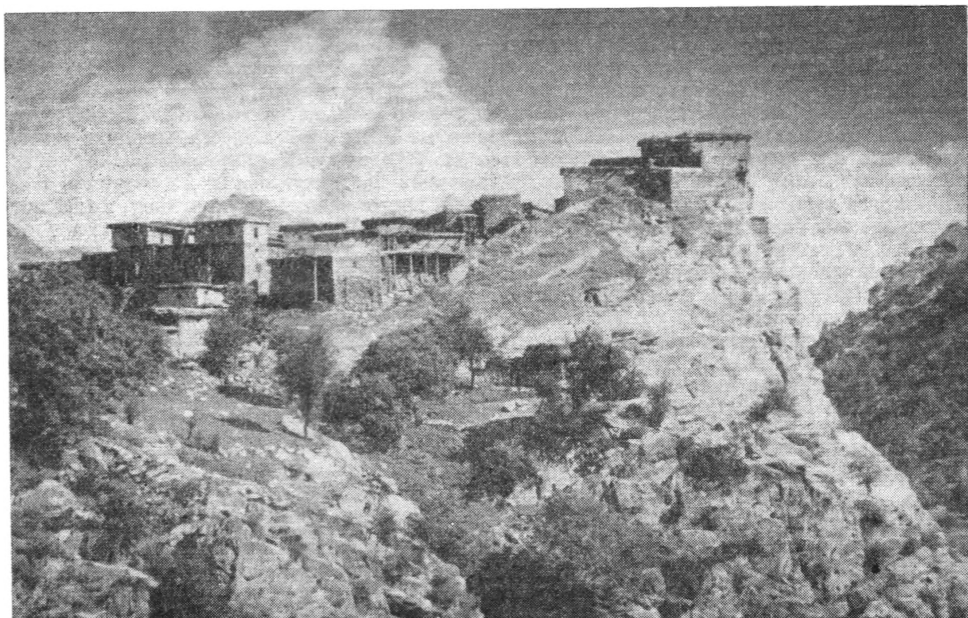
Обычаи, связанные со свадьбой и сватовством

Об обычаях, связанных со сватовством и свадьбой в Нуристане, известно очень немного. Робертсон пишет об этом буквально следующее: «Браки совершаются очень просто: это явная купля женщины мужчиной. Когда человек захочет жениться на какой-либо девушке, он посылает приятеля к ее отцу, чтобы испросить его согласия и договориться о цене, о которой часто торгуются в течение долгого времени. Когда размер платы установлен, сватающийся посещает дом девушки, режут козла, устраивают кое-какое угощение — и брак закончен». Сведения эти, как и все, что сообщается Робертсоном, относятся к Восточному Нуристану, причем едва ли они являются исчерпывающими даже и для этого района. При рассмотрении современных обычаев Западного Нуристана следует, впрочем, иметь в виду то обстоятельство, что со

¹⁷ Точнее говоря, через хребет возле перевала Птревот; тропу на перевал в связи с отсутствием карты, проводника и ненастной погодой найти не удалось.

Сел. Вама

Сел. Кантыва

времени посещения Кафиристана Робертсоном прошло более семидесяти лет, из которых не менее двадцати пяти западные нуристанцы провели в изгнании, в окрестностях Кабула¹⁸, подвергаясь усиленной исламизации, большей, чем кафиры Центрального и Восточного Нуристана. Было бы, вероятно, ошибочным видеть в современных обычаях прямое продолжение доисламских, хотя иногда рассказ строится в прошедшем времени, а порой и прямо утверждается, что рассказываемое относится в равной мере и ко времени язычества. Однако допускаемые в то же время рассказчиками и всегда особо оговариваемые реминисценции из доисламских времен, а главное, сопоставление сведений, полученных у разных информаторов, позволяя сказать с достаточной определенностью, что речь идет об обычаях в их современном виде. В этих обычаях можно видеть немало общего с тем, что наблюдается за пределами Нуристана, и вместе с тем есть и значительное своеобразие; таким образом, здесь, как и всюду, где речь идет о современной этнографии Нуристана, особенно Западного, мы видим смещение черт доисламского и современного мусульманского быта.

В старое время юноша не мог жениться, пока не убьет хоть одного человека. Женились не по согласию. Какая девушка понравится матери или отцу, на той его и женили¹⁹. Сначала мать или сестра юноши уговаривают девушку; получив ее согласие, отец юноши засылает сватов к отцу девушки. Если отец девушки соглашается, то сразу назначают выкуп. Если же отец с первого раза не соглашается, то отец юноши снова

¹⁸ См. ниже. стр. 280.

¹⁹ Другой рассказчик утверждает прямо противоположное: «У нас и в старину и сейчас обычай таков: прежде чем жениться, парень и девушка договариваются между собой. После этого отец юноши засылает сватов к отцу девушки и берет ее в жены для своего сына». На самом деле, конечно, так же как за пределами Нуристана, может иметь место и то и другое, хотя решающее слово несомненно всегда, кроме исключительных случаев (см. ниже), за родителями девушки и юноши.

посылает других сватов. Когда отца наконец удается уговорить, назначают выкуп²⁰. Назначив выкуп, отец девушки режет одного или двух козлов и, созвав односельчан, устраивает угощение. После этого девушка и юноша считаются помолвленными. Некоторые устраивают помолвку между юношей и девушкой, когда они еще малолетние. Когда они вырастут — тогда становятся супругами. Свадьбу устраивают осенью, когда закончены полевые работы и когда не очень жарко и не очень холодно. Осенью отец девушки, получив выкуп, покупает ей материю на одежду. В покупке материи участвует либо сам юноша, либо его отец. Затем шьют одежду. Накануне того дня, когда невесту предстоит увезти в дом мужа, устраивают празднество в доме девушки. Наутро, когда взойдет солнце, девушку обряжают в новые одежды и украшают. Надевают на нее два или три головных покрывала и туфли.

Тем временем жених с восходом солнца садится на коня; все односельчане собираются на площади и стреляют из ружей. Музыканты начинают играть на флейтах и бубнах. Потанцевав на площади, отправляются в дом за девушкой. Всю дорогу до дома девушки стреляют из ружей, танцуют, играют на флейте. Свадебный поезд в селе девушки встречают юноши. Отец девушки угощает приехавших за невестой. Помолвившись, они увозят невесту. Если путь далекий, жениха и невесту сажают на коня; если близкий, то девушка идет в дом мужа в окружении женщин. Когда невеста приблизится к селу, ее осыпают грецкими орехами. Невесту ведут в дом жениха. Возле дверей невеста останавливается, не соглашаясь войти внутрь. Заплатив ей выкуп²², ее вводят в дом.

После этого жених кладет призы для соревнующихся в стрельбе, верховой езде, в беге, перетягивании каната, толкании камня, борьбе. Для всадников, например, шкуру быка, для стрелков — козла, для бегунов и соревнующихся в перетягивании каната — однолетнего козла. Вечером, перед заходом солнца, устраивают угощение для всех — для тех, кто ездил за невестой, и для тех, кто с ней вместе приехал. Поев, веселятся до утра, — женщины отдельно, мужчины отдельно.

А в старое время отец давал девушке, когда та в первый раз приходила домой после свадьбы, рабыню, или женщину-бари²³, сто сиров зерна, две — четыре коровы, лошадь, двадцать — тридцать голов сыра, тридцать — сорок мер грецкого ореха.

Выйдя замуж, женщина делила свои волосы пробором и заплетала косы, а в косы вплетала белые раковины.

В том случае, когда родители жениха и невесты по тем или иным причинам (например, мал выкуп; невеста просватана за другого; юноша и девушка относятся к враждующим семьям или кланам) не могут сговориться, возможно и похищение девушки (или даже замужней женщины, если девушку уже успеют выдать за другого). В этом смысле представляет интерес записанный автором от одного из нуристанцев из верхнего Кулэма (назовем его К.) длинный и чрезвычайно занимательный рассказ, главным действующим лицом которого является сам рассказчик. Недостаток места не позволяет нам здесь привести целиком этот рассказ, изобилующий весьма интересными этнографическими подробностями²³.

К. было двенадцать лет, когда его женили на девушке из другого селения. Там он познакомился с другой девушкой, и они влюбились друг в друга. Родители девушки, однако, были против их брака. Встретившись тайком с К., девушка дала согласие на похищение. Но прежде чем К. ее похитил, прошло несколько лет; ее тем временем выдали замуж, у нее родился ребенок, который вскоре умер. Все это время они тайком встречались и обсуждали планы побега, а ее родители и родители мужа подстерегали

²⁰ Выкуп дается преимущественно скотом, но исчисляется в деньгах; в одном из рассказанных случаев он составлял двадцать тысяч афгани. В случае, если у родителей жениха нет возможности отдать выкуп сразу, возможна отработка женихом выкупа в доме невесты; ср. аналогичный обычай на Памире у куфцев [1, стр. 135], а также ниже, стр. 275.

²¹ Символический.

²² См. ниже, стр. 276.

²³ Автор познакомился с рассказчиком еще в 1964 г., во время пребывания в Куле ме. История, излагаемая ниже, рассказана в январе 1968 г. Столь долгий стаж знакомства и объясняет необычную откровенность и искренность рассказчика, имя которого я считаю неудобным в связи с этим называть. Отмечу, что рассказчик предложил мне совершить кафирский обряд побратимства, и только чисто внешние обстоятельства жизни в Кабуле помешали его осуществить.

К., чтобы, уличив в свиданиях с девушкой, убить. В конце концов К. с товарищем удалось увести ее, когда она вышла в горы за дровами. Но тут разгневался отец К., и очень больших трудов стоило уговорить его смириться с происшедшим. Послали посредников к отцу женщины и после долгих переговоров определили сумму выкупа. Она, по крайней мере, в три раза превышала обычную. Отдельный выкуп — козел и бык предназначался свекрови; по обычаю, она должна была козла зарезать и съесть вместе с новым зятем, но она присоединила его к своему стаду. К. не смог заплатить весь выкуп сразу и вынужден был по требованию тестя идти отработывать оставшуюся часть в дом жены. Под конец К. пригрозил своей новой жене, что продаст ее, если она не заставит тещу уговорить тестя уменьшить выкуп. По словам рассказчика, в данном случае с его стороны это была пустая угроза — он очень любил свою вторую жену, но якобы вообще у нуристанцев, если выкуп заплачен, муж может свою жену продать кому заблагорассудится²⁴.

Рождение ребенка. Совершеннолетие

Женщине, если она была на сносях, отводили место в некотором отдалении от селения²⁵. Женщина уходила туда и там рожала. Через семь дней, помывшись и причесавшись, она возвращалась домой. Если ребенок был мальчиком — приносили в жертву двух коз; если девочкой — одну козу. Тут же детям обривали голову²⁶ и давали имя. Имя давалось по отцу или деду²⁷.

Когда детям исполнялось двенадцать лет, на них надевали штаны. До двенадцати лет ни девочки, ни мальчики не могли носить штанов²⁸. Сзывали односельчан, убивали двух коров или быка, или козу, или овцу и праздновали совершеннолетие. Угощали всех односельчан; если кто-нибудь из лиц, близких к данной семье, не приходил, то в его дом посылали и мясо, и хлеб, и похлебку на всех членов его семьи, начиная от грудных детей и кончая стариками. В тот вечер и мужчины и женщины веселились — били в бубен, играли на флейте, пели песни, танцевали.

Некоторые обычаи, связанные с войной

Воинов, убивших хотя бы одного врага, называли шурмоч. Человек, убивший семь мужчин, назывался леймоч. Когда такой человек возвращался домой, его встречали радостными криками: «Э шуро-шурей — шуро!» Женщины и мужчины, проходя посмотреть на него, осыпали его зернами пшеницы, восклицая: «Слава тебе, о леймоч!». Потом его вели домой и увенчивали, как короной, султаном фазана²⁹. Через плечо ему надевали ленту, а на ленту нашивали четыре раковины. Потом он постепенно становился пырымоч. Пырымоч — человек, совершенный во всем, богатый, отважный, гостеприимный...

В старину на войну отправлялись с луками. В то время ружей не было. У кого не было лука, отправлялся на войну с кинжалом и им убивал врагов. У леймоча всегда было изукрашенное копье. В честь этих отважных людей мы пели такую хвалебную песню:

В четырех местах я подстерегал врага,
В трех не смог его убить,
А в четвертом я его убил³⁰.

У леймоча был лук и колчан. Стрелы были намазаны ядом, и, если поражали человека, тот уже не мог остаться в живых.

²⁴ Ср. у Робертсона [8, стр. 214].

²⁵ Родильный приют, находившийся под защитой богини Нирмали, см. 8, стр. 273.

²⁶ См. 8, стр. 38—39.

²⁷ Собственное имя, по словам информаторов, ребенок получал по достижении двенадцатилетнего возраста.

²⁸ Ср. у Робертсона: «У кафиров нет особой церемонии на случай достижения девочкой зрелости; над мальчиками же должны быть выполнены особые формальности для получения разрешения носить платье взрослых мужчин, т. е. широкие штаны... Вне Кафиристана мальчики могут носить штаны, но в своей стране они не могут этого делать, пока не выполнят установленных правил» [8, стр. 269].

²⁹ Ср. описание одного из кафирских праздников у Робертсона: «Плясуны, все из которых были джасты (высшая каста. — А. Г.)... украсили себе головы белыми тюрбанами, в передней стороне которых были воткнуты палки с головными перьями фазанов» [8, стр. 149].

³⁰ Рассказчик дает и подлинный вариант песни и ее перевод на кати. Подлинный вариант представляет собой, по-видимому, архаическую или диалектальную форму языка и прямому переводу не поддается.

Судя по имеющимся данным, указанные титулы — шурмоч, леймоч и пырымоч — не связаны с описываемыми Робертсоном рангами старшин — джастов и канеашей — кандидатов в джасты.

В рассказе ничего не говорится о ритуальных угощениях, которые, согласно Робертсону, необходимо было устроить, чтобы стать джастом. С другой стороны, по Робертсону, ранг джаста не связан непосредственно с военными заслугами того или иного лица (в частности, джастом могла стать и женщина). Термин *jašt* известен и в Западном Нуристане, но его удовлетворительного объяснения мне получить не удалось.

Рабство и касты

О касте рабов-бари в Кафиристане и о положении этой касты Робертсон пишет довольно много в разных местах своей книги. Сведения о рабстве в Кафиристане, сообщаемые Робертсоном, были позже уточнены и представлены в суммированном виде А. Герлихом в упоминавшемся ранее разделе отчета германской экспедиции в Гиндукуш [15, стр. 233 сл.]. А. Герлих устанавливает существование в Восточном Нуристане двух категорий рабов. Первая из них — рабы-ремесленники бари — каста, принадлежность к которой так же незыблема, как принадлежность свободного кафира к его клану.

Другая категория рабов, найденная А. Герлихом только у племени кантос, — рабы-ланэ. Это свободные кафиры, попадавшие в рабство за долги. Ланэ могут освободиться, заплатив определенный выкуп. Работа ланэ не была так специализирована, как у бари; естественно, что ланэ и не могли бы выполнять работу бари, для которой требовались особые профессиональные навыки; в прочем же его правовое положение не отличалось от положения бари: его можно было купить и продать (но только внутри клана) или дать в качестве приданого дочери.

В примечании на стр. 236 Герлих сообщает, что, по данным Ленца, в Западном Нуристане лавын (=ланэ) — раб, цена которого шестьдесят козлов; бари же — бедняк, нуждающийся в помощи, работающий кузнецом или мельником. Это не вполне точное сообщение дает возможность различных толкований и наводит на мысль о существенных отличиях в этом плане между Западным и Восточным Нуристаном. Между тем в Западном Нуристане наблюдается такое же положение, как, согласно описанию Герлиха, у кафиров-кантос.

Выше уже приводились рассказы о свадьбе, в частности о приданом, дававшемся невесте; рассказчики особо подчеркивали тот факт, что в состав приданого могли входить как бари, так и рабы-лавын.

Сказки западных кати имеют характерную концовку, где упоминаются рабы обеих категорий: «...они (действующие лица сказки) поковыряли, кипяченное молозиво нам [досталось], что на ложке осталось — бари, а что ко дну котла прилипло — рабам-лавын».

О бари сообщаются следующие сведения (рассказ Нури Саида):

В старину наши люди, говорят, покупали бари за деньги³¹. Мне неизвестно, от какого племени они ведут свое происхождение. Дома их стоят на краю деревни. В середине деревни строить дома им не разрешают. На девушках-бари другие не женятся, и не выдают своих девушек за бари. В старину вместе с бари пищу не ели, и в домах у них не ели. У бари земли нет; и по сей день там наверху, в деревнях кати, бари не свободны.

³¹ Термин «бари» информаторы переводили на персидский язык либо как *āhangar* «кузнец», либо как *yuīām-i zarharid* «раб, слуга, покупаемый за деньги». Рабы-лавын переводятся просто *yuīām* «раб, слуга».

Работа их — кузнечное ремесло: изготовление топоров, заточка серпов, изготовление металлической и каменной посуды.

Бари вместе с другими в мечеть не ходят и не молятся. В прошлом году бари в нашей деревне хотели переселиться в другое место, но их не пустили: мол, вы до сих пор не свободны.

В вышеприведенном рассказе обращают на себя внимание два обстоятельства: во-первых, то, что кастовое деление продолжает сохраняться в Нуристане по сей день, и, во-вторых, то, что каста бари ощущается нуристанцами не только как социальное, но и как этническое подразделение. Неоднократно высказывалось предположение, что бари являются потомками древнего, докафирского населения Нуристана³². В сохраняющемся сознании этнических отличий между бари и свободными кафирами можно видеть лишнее подтверждение справедливости такого предположения.

Что касается рабов-лавын, то нет достаточных оснований утверждать о наличии в настоящее время пережитков этой формы рабства. Отметим, что в сказочном фольклоре упоминания о рабах-лавын встречаются нередко.

Похоронные обряды

Когда умирал леймоч или пырымоч, то из дерева изготовлялось грубое изваяние умершего; после этого один из рабов брал его на спину и прыгал (танцевал?) с ним по улицам деревни. Семь дней и семь ночей покойника не хоронили, а труп его выставляли на высоком месте. Тем временем изваяние его таким образом носили по улицам. Родственники умершего в течение этих семи дней давали угощение и «сымри»³³. Мертвеца хоронили, положив в гроб. Внутренности вынимали, клали в глиняный сосуд и хоронили отдельно. Вместе с умершим хоронили все, что принадлежало ему при жизни, — лук, копье, меч, кинжал, боевой топор, шлем. В горшок клали сымри, правую руку умершего погружали в горшок и так его хоронили. На его могиле ставили его деревянное изваяние. Если умирала женщина, то ее хоронили вместе со всеми ее украшениями, в могилу к ней также клали сосуд с сымри.

Для оценки достоверности вышеприведенных сведений сравним рассказ с тем, что излагается у Робертсона. Согласно Робертсону, в Камдеше изображения умерших изготовлялись не из дерева, а из соломы, и над этими изображениями, так же как и над самим трупом, проводились погребальные церемонии в доме для обрядовых танцев [8, стр. 301—303]. Робертсон особо подчеркивает, что изображение умершего во время погребальных танцев держат на плечах не рабы, а «важные люди» (стр. 304). Но если эти расхождения и можно еще объяснить неточностью наших рассказчиков (хотя два наши информатора сообщают одно и то же), то нет никаких оснований сомневаться в достоверности прочих сообщаемых ими деталей, тем более, что часть из них совпадает с тем, что сообщает Робертсон (покойника хоронят в одежде, женщин — с украшениями; на могилах умерших ставятся изваяния [8, стр. 305—307 и сл.]³⁴). Упомянутые расхождения могут, конечно, объясняться и действительными различиями в погребальном обряде между Западным Нуристаном и Камдешем.

Исторические предания

Наиболее подробную сводку исторических преданий кафилов приводит А. Герлих [15, стр. 238—243]. Согласно Герлиху, такого рода

³² См., например, 8, стр. 20.

³³ Ритуальная пища: ячменные лепешки, покрошенные в растопленное масло.

³⁴ Описание такого рода изваяний см. в работе Дугласа [16].

предания бытуют только у кати; у прочих кафирских племен рассказы повествуют лишь о недавнем прошлом, хотя смутные представления о своем происхождении существуют, по-видимому, и у них.

О том, что кафиры-кати склонны возводить себя к арабскому племени корейшитов, сообщают уже Бёрнс [2, стр. 292—293] и Биддэльф [11, стр. 132]; эта же версия для племени кам приведена у Робертсона [8, стр. 28]. По Герлиху, племя кам приписывает только себе происхождение от корейшитов и называет Абу-Джиля (Abu Dschihil) своим прародителем, отделяя себя и в этом смысле от кафиров-кати; в свою очередь последние делают то же самое по отношению к камцам. Сообщается, что прародителями кати были брат и сестра Брок и Врок, поселившиеся сначала в Кантиве (Ктиви) ³⁵. Расселяясь из Ктиви, кафиры вели ожесточенные битвы, на западе — с пашаи, населявшими долины Рамгэля и Кулэма, на востоке — с неким племенем джажи в нижнем течении р. Башгуль ³⁶, и племенем кашгари — в верховьях реки. Называется также древнее население Кантивы, якобы тождественное с кафирами-ваман, и Вайгала — племя шурари неизвестного происхождения.

Как сообщает Герлих, об этом периоде завоеваний повествуют многие героические песни кафиров-кати. К сожалению, никаких других сведений об этих песнях не дается и их содержания, хотя бы краткого, не приводится ³⁷.

Предания о более поздних временах, по Герлиху, представляют собой рассказы о межплеменной борьбе и зарегистрированы лишь у восточных кати. По-видимому, никаких легенд об Александре Македонском, столь распространенных к северу от Кафиристана ³⁸, членам германской экспедиции собрать не удалось. Между тем, такого рода легенды представляют, естественно, значительный интерес, особенно в свете работы Л. Эдельберга о вайгальских серебряных кубках ³⁹.

Ленц [15, стр. 250] сообщает, что кафиры отказывались давать какие-либо сведения о завоевании Кафиристана, по-видимому из религиозных соображений; такие сведения, исходящие от самих нуристанцев, публикуются здесь впервые. Ни Ленц, ни Герлих не сообщают также, сохранились ли у кафиров какие-либо воспоминания о пребывании в Кафиристане Робертсона.

Приведенные ниже рассказы записаны у двух лиц: чиновника одного из кабульских учреждений Гульмира, родом из Западного Нуристана; крестьянина Абдулла Куштузи из сел. Куштуз в Восточном Нуристане.

³⁵ О Ктиви, как прародине кафиров, см. также 15, стр. 268.

³⁶ Робертсон приводит сходную камскую легенду, согласно которой джажи были полностью вытеснены камцами, когда последние пришли в Башгульскую долину, потерпев тяжелое поражение в битве с вайгальцами [8, стр. 28—29]; упоминаются и другие аборигены — аром, остатком которых якобы является население сел. Гавардеш и с. Аромбром [8, стр. 15]; у Герлиха те и другие отождествляются друг с другом [15, стр. 242].

³⁷ Ср. также 15, стр. 252.

³⁸ В частности, на Памире.

³⁹ Л. Эдельберг анализирует те места из текстов Курция Руфа и Арриана об индийском походе Александра, где они повествуют о завоевании им неизвестного народа, жившего в селении Ниса у подножия горы Мерос. Удивительное совпадение деталей описания обычаев этого народа и природы населяемых ими мест с тем, что можно наблюдать в Центральном Нуристане сейчас или в исторически недавнее время, приводит автора к выводу, что Александру пришлось иметь дело с предками современных кафиров [17, стр. 194—196]. Добавим к сказанному у Эдельберга, что представляется сопоставительным сопоставление топонима Ниса с названием вайгальского селения Нишей, а горы Мерос — с историческим топонимом Мер (согласно приведенной Герлихом легенде, одним из древних поселений племенного подразделения кафиров, ныне населяющего сел. Куштуз в Восточном Нуристане [15, стр. 242]).

Сел. Цацум

Последнему принадлежит сведения о старых владениях кафиров и рассказ о Робертсоне.

Наши люди в старое время пришли из Аравии. Там был один человек, его звали Абу-Джилъ, у него было два сына, один — Рок, другой Брок. Хазрати Омар очень притеснял их. Они ушли оттуда и пришли в Ктиви. Жили в Ктиви; потом Рок пошел в Рамгэль, а Брок — в Парайгром. Потом людей стало больше, и появились кланы: Карал-дары, Габыр-дары, Трымсын-дары и другие. Центр наш был наверху, в Ктиви, и когда людей стало много, наши люди спустились в Кишто, Мумо, Кам, а с другой стороны — в Рамгэль и Кулэм, отвоевали эти области у старого населения. В старину долина Ландайсин, Камбыгром, Парайгром⁴⁰ — все это было наше. Во времена язычества, еще до приезда Робертсона, Кома⁴¹ была нашей, Шива⁴² была нашей, Дарраи-Нур⁴³ был наш, Мандровул⁴⁴ в Лагмане тоже был наш. И земли вплоть до того места в Пакистане, которое называют Турагундый, были наши. И Кофарай Гундый был наш. В те времена между нами и нашими соседями всегда шла война.

Когда пришел Александр Великий с походом, он многих наших людей увел силой с собой в Индию. Когда он умер, его военачальники отпустили наших людей, и все они вернулись к себе домой.

Прошло много времени, и на кати напал эмир Тимур, принес им веру ислама. Его войско высекло на скале возле селения Патшо памятную надпись⁴⁵. Эмир Тимур привел людям Рамгэля семь мулл. Эти муллы объяснили людям законы мусульманской веры. Когда эмир Тимур ушел вместе со своим войском, все люди собрались и на большой скале Шаргон закололи этих семь мулл эмира Тимура и, заколов их, сожгли, а сами вернулись к язычеству...

Когда пришел Робертсон, он появился сначала в селении Кам. Он раздавал нашим людям деньги. Он остался там; была там одна девушка по имени Вуто Сунми, он взял ее себе в названные сестры. Возможно, что он давал ей за это деньги. И вот наши люди набросились на него: «Мы никакой Вуто знать не хотим! Все мы Вуто! Если раздаешь деньги — принеси нам всем, а если не раздаешь — никому не давай». Вытащив кинжалы, они говорили: «Мы тебя убьем».

Когда он собрался уходить, он стал хвалить наш народ: «У вас хорошие головы, вы сильные, если бы вы как следует учились — из вас вышли бы большие люди. Я-то пришел, чтобы просветить вас. Раз вы не хотите — я уйду». И сказав это, он ушел.

Завоевание Нуристана эмиром Абдурахманом излагается по-разному в Восточном и Западном Нуристане, что, вероятно, отражает различия, имевшие место в действительности.

Восточная версия: ...Народ наш много воевал и осталось нас мало. В той стороне⁴⁶ мы воевали с баджаурцами, с сафи, ниже с афганцами. Наш народ не подчинился ни Тимуру и никому другому. Во времена Абдурахман-хана пять наших людей были в плену в Кабуле: один — Малик-Сафед, другой — Малик-Сиех, третий — Каландар, четвертый — Кумур-хан⁴⁷. В старину они продавали на летовки мусульман, забирали людей и продавали их. Их взяли в плен и привезли в Кабул.

Амир Абдурахман обращался с ними хорошо и сделал их при себе слугами. Кумур-хан был у него чойдорбоши; Каландар-хан — стольник; Малик Сиех — хранитель кальяна; Малик-Сафед — личный слуга; был еще Муборакшо-хан, военачальник. И вот все они пришли и стали нас уговаривать, мол, мусульманство — это хорошо. И так, и эдак, без войны обратили нас в ислам.

Западная версия: ...Когда русские хотели напасть на Нуристан (!), эмир Абдурахман, услышав об этом, собрал большое войско и напал на людей кати. Это войско было вооружено пушками и ружьями. В сражениях с кати он дошел до Кулэма; в это время в Кулэм пришли также люди из Рамгэля: таким образом, у кати оказалось большое войско; они оттеснили войско Абдурахмана до самой Дарунты, и тогда Абдурахман дал сигнал мира. Кати, услышав звуки труб, испугались и бросились в

⁴⁰ Соответственно нижнее, среднее и верхнее течение р. Башгуль.

⁴¹ Нижнее течение р. Пич, ныне населено афганцами-сафи; а также селение возле устья р. Кунар.

⁴² Крупное селение в долине р. Кунар.

⁴³ Долина правого притока р. Кунар населена пашаи.

⁴⁴ Миндравар, крупное селение в низовьях р. Алингар.

⁴⁵ Речь идет о действительно существующей в районе сел. Потшо в долине р. Рамгэль надписи; ее воспроизведение см. 15, рис. 115 и 116. Неясно, принадлежит ли она действительно Тимуру или сделана в более позднее время.

⁴⁶ Т. е. выше по течению Кунара.

⁴⁷ Имя пятого см. ниже.

бегство вверх. Войско Абдуррахман-хана, преследуя их, вновь достигло Кулэма. Кати сражались с афганцами луками, копьями, пращами. Абдуррахман-хан не смог дойти до Большого селения [сел. Кулэм] и, поставив свои пушки в Мнуйнар, стал обстреливать селение. Несмотря на обстрел, кати не сдавались и сражались своими луками до смерти.

Войско Абдуррахмана не смогло одержать верх над кати; вечером афганцы решили: «Завтра мы заключим с кати мир». На следующий день предводитель кати надел белое платье и пошел к эмиру Абдуррахману сдаваться. Увидев, что идут кати, Абдуррахман встретил их предводителя, одарил его красивой одеждой. После этого, собрав всех кати, расцеловал его, их повезли в Кабул.

Когда кати прибыли в Бутхок, их пришли приветствовать большие вельможи Абдуррахмана. На Чаман-е Хозури их встречал и сам Абдуррахман. С тех пор страну кати стали называть Нуристаном. Нуристанцам дали земли в Пагмане, Чак-и Вардак, в Логаре. Так и закончилась война Абдуррахмана с кати ⁴⁸.

Когда Абдуррахман умер, Хабибулла стал царем, наши люди написали ему прошение с тем, чтобы он отпустил их на родину. Амир Хабибулла разрешил. Теперь наши люди там занимаются скотоводством и земледелием, а прежними делами не занимаются.

Я з ы к

Существующими сведениями о кафирских языках мы обязаны в основном работам известного норвежского ираниста Г. Моргенстьерне; я оставляю здесь в стороне более ранние работы, представляющие, за небольшим исключением, лишь исторический интерес ⁴⁹. Подробная характеристика работ Моргенстьерне не входит здесь в мою задачу; отмечу лишь, что эти работы при всей их большой ценности представляют собой заметки, основанные на фрагментарном и не всегда достоверном материале, записанном преимущественно в виде изолированных слов и форм.

Однако и тот материал, который представлен в указанных работах, позволяет считать, что кафирские языки представляют большой интерес для сравнительного языкознания. Относительно их места среди индоиранских языков высказывались различные точки зрения ⁵⁰; наиболее обоснованной представляется в этом смысле точка зрения самого Моргенстьерне. В своем отчете о поездке в Афганистан и в статьях, посвященных отдельным кафирским языкам [20; 21; 22; 24; 25; 26], он отмечает некоторые особенности отражения в них индоевропейского консонантизма, которые можно суммарно представить в таблице (см. стр. 282).

Исходя из приведенных в таблице соответствий, Моргенстьерне приходит к выводу, что кафирские языки первоначально занимали независимое положение внутри арийской группы языков ⁵¹.

Моргенстьерне отмечает, что кафирский материал может пролить свет и на проблему развития палатальных в индоевропейских языках *satəm* в целом [20, стр. 227]. Эта идея положена в основу статьи В. Иванова «Проблема языков *centum* и *satəm*» [6]. Рассмотрение кафирского и анатолийского языкового материала, по мнению автора статьи, лиш-

⁴⁸ О переселении западных кати см., например, 15, стр. 270.

⁴⁹ Библиографию работ по кафирским языкам см. в книге Д. Эдельман «Дардские языки» [10]. Упоминания заслуживает также маленькая публикация В. Иванова по языку кати [19].

⁵⁰ См. 10, стр. 7—8.

⁵¹ «Общий арийский язык, вероятно, не был однородным, и кафирские языки могут представлять диалект, не восходящий непосредственно ни к индоарийскому, ни к иранскому. Примечательные архаизмы кафирских языков и их географическая позиция делают весьма возможным предположение, что это реликт языка племен, отколовшихся от основной массы ариев и проникших на границу Индии до вторжения индоарийцев. Последние частью ассимилировали кафиров, частью отгеснили их в неприступные горные твердыни Кафиристана. Здесь они и жили в относительной изоляции, что дало им возможность сохранить доныне некоторые из присущих им языковых особенностей» [20, стр. 234].

ний раз убеждает нас в том, что следует признать существование нескольких типов индоевропейских диалектов с переходными говорами между ними. При этом кафирские языки отражают архаичное общиндоевропейское состояние противопоставления палатальных и веллярных [6, стр. 23].

* индо-евр.	др.-инд.	каф.	пр. (в скобках—др.-перс.)	индо-пр.
*k	ç	c	s(ð)	t'
*g	j	z/3	z(d)	d'
*gh	h	z/3	z(d)	
*g ^{wh}	h	j	j	
перед *e, *i				
*g ^w	j	j	j	
перед *e, *i				
*s после u	ç	s	š	

В лингвистической литературе отмечался также тот факт, что кафирские языки в числе других языков Восточного Гиндукуша представляют первостепенный интерес как для типологических исследований, так и для исследований в области лингвистической географии, включая и проблему языковых контактов⁵².

Широкому изучению этих языков в обобщающих лингвистических исследованиях препятствуют скудость и фрагментарность опубликованного материала, что в особенности относится к весьма своеобразному и архаичному языку кати⁵³.

Ниже публикуется небольшой рассказ на западном диалекте кати, с грамматическим пословным комментарием и переводом.

Гласные фонемы: а, ā, о, и, ы, i, е (для всех гласных, кроме а — ā, долгота нефонологична; гласный ā встречается в небольшом количестве слов).

Согласные фонемы могут быть представлены в следующей таблице:

	Смычные		Щелевые		соворные	аффрикаты
	звонкие	глухие	звонкие	глухие		
нецеребральные непалатализованные	b d g ʋ	p t k	z ʒ v w	s	m r l n y	c č j
церебральные непалатализованные	ɖ	ʈ	ʒ	ʃ	ɾ ɳ	č
нецеребральные палатализованные	b' d' g' n'	p' t' k'	v'	s' š	m' r' l' n'	c'
церебральные палатализованные	ɖ'	ʈ'	ʒ'	ʃ'	ɾ' ɳ'	
огубленные	—	—	ʒ°	š°	— —	

⁵² См. 9, стр. 172.

⁵³ Кати — один из немногих дардских языков, которому не посвятил специальной лингвистической статьи Г. Моргенштерне. Наши современные сведения о кати основаны на устаревших и неполных материалах Раверти [27, 1864 г.], Дэвидсона [14, 1902 г.], Грирсона [18, 1919 г.], вышеупомянутой публикации Иванова [19] и статье Моргенштерне о кафирской мифологии [24], где дается небольшое количество ритуальных текстов, не всегда адекватно понятых и переведенных.

Т Е К С Т

I. yimósty (1) рыnúšte (2) mančí (3) káyo (4) parastíš (5) nè-kuly (6) as'a (7)-mem (8). stósty (9) čor (10) dývo (11) kustý (12) ni (13) s'o-mem (14): kór-vu (15) álly (16) vuncév (17) bi-bo (18) stá-vu (19) dývry (20) bꞑuz (21) bi-bo e (22) álly voř (23) bi-bo sta (24) gáti (25) e rygy (26) puyé (27)-je (28) syřézai (29) gáiti (30) vóte (31) pšei (32) vúteti (33) e mančí pšy (34) býnosi (35). sty (36) pšý bi-bo by (37) dík'a (38) por (39) vúkceci (40) kóto (41) vrípulo (42) lály (43) as'ò-mem.

II. sty vri layí-bo (44) ste (45) by dušt (46) ka (47) symrí (48) ka és-tuk (49) valé (50) ácely (51) as'a-mem. sty symr'é yo (52) čivók (53) ky (54) mančó (55)-pcir (56) byty kulý (57) as'o-mem. ste (58) yúti (59) am-ní (60) vr'ó (61) lály as'a-mem: «e Imró! (62) Délu (63) mačimřór (64)-o (65)! o Bagíšť (66)-ol!» — kati (67) pšy čipčurúk (68) vyt'éti (69) dúšto (70) dík'a-por (71) vúgaiti (72) ji kulei (73): «o Imro! tu (74) namóč (75)!»

III. ste (76) ji kyřý-bo (77) sývégy (78): «o Imró! Sundarý-řo (79) tu namóč! kašrpađivo (80) psov (81) yimó (82) b(a)rú vyt'e! (83)» — kulei. «šařývo (84)-ty (85) psov, yimó (86) šayé (87) bru vyt'eil!» — kati syřéza (88) paščónas'a (89)-mem. d'um (90) gati (91) Imrósty (92) štris (93)-ta (94)/sto-ky (95) Kýmřai (96) kunas'a (97)-mem, sut (98) što (99) stó-ky (100) stósty (101) ĵuk (102) ašt (103) kulei/ přolei (104).

Примечания к тексту

- (1) yimósty притяж. ф. личн. мест. 1 л. мн. ч. yimo 'мы'.
- (2) рыnúšte опред. ф. от наречия рыnúšt 'раньше', 'прежде': 'прежний'.
- (3) mančí м. 'человек', 'мужчина'; косв. mančé, косв. мн. mančó.
- (4) káyo косв. ф. мн. ч. мест. kau 'что'.
- (5) parastíš перс. 'поклонение'.
- (6) nè-kuly отриц. ф. м. р. причастия II от гл. 'делать'; инф. kústy; ж. р. kulí. Причастия II на ly//li имеют обычно значение будущего времени; реже значение давнего прошедшего времени, как в данном тексте.
- (7) as'a 3 л. мн. ч. пересказ. накл. связки; ед. ч. 1 л. м. as'om, ж. as'em; 2 л. м. as'oš, ж. as'eš; 3 л. м. as'ó, ж. as'é; мн. ч. 1 л. as'ómiš, 2 л. as'óseř, 3 л. as'á. Сочетание прич. II с этой формой связки обозначает факт, известный с чужих слов; это значение неочевидности подчеркнуто специальной постпозитивной частицей -mem.
- (8) -mem частица, указывающая на неочевидность действия, см. (7).
- (9) stósty притяж. ф. мн. ч. указ. личн. мест. дальн. ст. sty; косв. м. ste, ж. sto, мн. sto.
- (10) čor м. обычай.
- (11) dývo 'молитва' (тадж. duo).
- (12) kusty инфинитив гл. 'делать'; dývo kusty 'молиться'.
- (13) ni прям. форма указат. мест. бл. степени 'этот'.
- (14) см. (7) и (8).
- (15) kór-vu вопр. мест. 'где', 'куда', с послелогом местонахождения -vu: 'там, где'
- (16) álly прилаг. м. 'большой', ж. álli.
- (17) vuncév м. 'источник' косв. vuncéve, косв. мн. vuncévo.
- (18) bi-bo 3 л. ед. ч. прош. вр. соверш. гл. 'быть', инф. bysty; ед. ч. 1 л. b'úm-bo. 2 л. b'úš-bo, 3 л. bí-bo; мн. ч. 1 л. b'úmiš-bo, 2 л. b'úr-bo, 3 л. bí-bo (без частицы bo не употребляется).

- (19) *sta-vu* 'там'.
- (20) *ɖyɳɣy* прилаг. м. 'ровный', ж. *ɖyɳɣi*.
- (21) *bruɣ* 'лужайка', 'луг'.
- (22) *e* числительное-артикли 'один'.
- (23) *voʃ* м. 'камень', косв. *voʃe*.
- (24) *sta* 'туда'.
- (25) *gáti* деепричастие от гл. 'идти', 'уходить', инф. *gāsty*, ср. (30).
- (26) *рыгы* 'ком', 'шар'.
- (27) *пшэ* косв. ф. сущ. м. р. пш 'сливочное масло'.
- (28) *-je* соединит. союз 'и'.
- (29) *сыгэзai* сочетание косв. ф. сущ. ж. р. *сыгэз*, пр. ф. *сыгэз* 'арча', 'древовидный можжевеловый' с соединительным союзом *ei*. В целом — обычная для кати плеонастическая конструкция с двумя соединительными союзами: *пшэ-je* *сыгэз-ai* 'масло и арчу'.
- (30) *gáti* дееприч. от гл. 'нести', 'уносить', инф. *gayácesty* ср. (25).
- (31) *voʃe* см. прим. 23.
- (32) *ржéi* послелог 'на поверхность чего-л.' ср. *šayí* 'голова'.
- (33) *vúteti* дееприч. от гл. 'класть', 'ставить' (отвесно вниз), инф. *vútesty*; направление отвесно вниз (а при других глаголах также и отвесно вверх) передается приставкой *vu*; ср., напр., *vúncesty* 'появляться' (сверху или снизу), *vúkšosty* 'тянуть (отвесно вверх или вниз)'; ср. также *valúkšosty* 'тянуть снизу вверх наискось', *vákšosty* 'тянуть' (горизонтально), *vavúkšosty* 'тянуть' (сверху вниз наискось), *пíkšosty* 'тянуть' (вниз по течению, на юг), *čfkšosty* 'тянуть' (вверх по течению, на север) и т. д. и т. п.
- (34) *рш* м.пшур (священник, жрец в кафирской религии)
- (35) *бáпosi* 3 л. ед. ч. м. р. имперф. гл. 'быть', инф. *бáсты*; ед. ч. 1 л. м. р. *бáпos'um*, ж. р. *бáпes'um*; 2 л. м. р. *бáпos'uš* ж. р. *бáпes'uš*; 3 л. м. р. *бáпosi*, ж. р. *бáпesi*; мн. ч. 1 л. *бáпosimiš*, 2 л. *бáпos'uř*, 3 л. *бáпasi*.
- (36) *сты* указ.-личн. мест. дальн. степ., см. (9).
- (37) *бы* предлог с широким значением направления и местонахождения; с косв. ф. имени.
- (38) *dik'a* косв. ф. сущ. ж. р. *dik* 'небо'.
- (39) *рог* послелог направления.
- (40) *vúkseti* дееприч. от гл. *vúkcesty* 'смотреть' (отвесно вверх или вниз), ср. (33), ср. также (25).
- (41) *kóto* косв. ф. мн. ч. сущ. *koʃ* 'сила' в наречном значении: 'сильно', 'громко'.
- (42) *vřipulo* косв. ф. мн. ч. от *vřipul* 'речь', 'слова' (из *vři* 'говорение', 'речь' и *pu* 'слово').
- (43) *laly* прич. II от гл. 'бить', инф. *lásty*; эд. в сочетании с *vřipul* в знач. 'говорить'; ср. *vři lasty* 'говорить' и тадж. *гап задан* 'говорить'.
- (44) *layf-bo* прош. соверш. от гл. *lasty*, ср. (18), (77).
- (45) *ste* косв. ф. м. р. местоим. *сты*, см. (9), (36).
- (46) *dušt* м. 'рука'.
- (47) *ka* 'или'.
- (48) *сымгi* м. косв. *сымг'é*, 'вид ритуальной пищи'.
- (49) *éstuk* 'что-либо', 'нечто'.
- (50) *valé* 'другой'.
- (51) *ácely* прич. II гл. 'приходить', инф. *acesty*; см. (6), (7), (8).
- (52) *yo* неизм. 'каждый'.
- (53) *čivók* нареч. мало.
- (54) *кы* стяж. форма дееприч. *kati* от гл. 'делать', инф. *kusty* (см. прим. 12); употребляется также как наречный суффикс: *čivok кы* 'помаленьку', 'понемногу'.
- (55) *mančó* см. (3).
- (56) *рсиг* послелог 'наверх', 'сверху'.
- (57) *быгы кылы* прич. II от гл. *быты кусты* 'делить', ср. перевод фразы в целом на

таджикский язык: ин нонхоро кам карда сари хар яке аз нафархо тақсим мекардааст.

- (58) *ste* косв. м. от *sty* в знач. эргатива при деепр. *yutl* от перех. гл. *yusty* 'есть' см. (9), (36), (59).
- (59) *yútl* деепр. гл. 'есть', инф. *yusty*.
- (60) *amni* местоимение бл. степени с уточняющим префиксом: 'вот этот', 'вот эти'.
- (61) *vr'ó* косв. мн. от *vri* 'слово'.
- (62) *Imro* зват. ф. от *Imra* Имра (главное божество кафирского пантеона).
- (63) *Delu* 'божество' (вообще).
- (64) *mašimog-o* из *mañl* 'человек' + *mog* 'хозяин', 'господин'. Обычный эпитет бога Имра.
- (65) -о звательная частица.
- (66) *Bagišt* Багишт, один из главных богов кафирского пантеона.
- (67) *katl* см. (12), (54); гл. *kusty* регулярно употребляется в значении 'сказать'.
- (68) *širčuruk* 'впереди', ср. *šur* 'острие'.
- (69) *vút'eti* деепр. гл. 'останавливаться', инф. *vyt'ésty*.
- (70) *dúšt-o* косв. мн. от *dušt* 'рука'.
- (71) см. (38), (39).
- (72) *vúgaitl* деепр. гл. *vúgayacesty* 'возносить к небу' см. (30), (33).
- (73) *jl kulel* сочетание прич. П. гл. 'говорить', инф. *jl kusty* и союза *ei* см. (12, 29). Плеоназм: досл. 'подняв руки и говорил'.
- (74) *tu* косв. ф. личн. мест. 2 л. t'u.
- (75) *patóč* 'молитва'.
- (76) *ste* см. (58). Здесь в знач. эргатива при перех. гл. *jl kusty*.
- (77) *kyry-bo* прош. вр. соверш. гл. *jl kusty*. Согласовано по роду с самополнением *jl*; ж. р. *kiyi-bo*, ср. (18), (44).
- (78) *syvéry* 'другой' (пр. ф. ед. ч. м. р. и мн. ч.), ж. *syvéri*.
- (79) *Sundary-go* зват. ф. от *Sundary* имя одного из богов кафирского пантеона(?).
- (80) *kaširraçuvu* косв. мн. от м. *kaširraçuvay*; из *kašir-* осн. прилагательного 'белый', ср. *kaširy* 'белый', *kaširi* 'белая'; *raçu* м. чалма; -*vay* суффикс (связанный с основой -*vay*// -*vo* 'иметь') 'обладающий белой чалмой', т. е. мусульманин.
- (81) *psov* повелит. от гл. 'губить', 'уничтожать', инф. *psósty*.
- (82) *yimo* неизменяем. мест. 1 л. мн. числа, здесь в объектном значении, ср. (1), (86).
- (83) *b(a)ru vyt'é* повелит. от глагола 'увеличивать', инф. *b(a)rú vyt'esty*.
- (84) *šarývo* косв. мн. от *šarývay* из *šary* 'чалма' (-*raçu*) + суфф. *vay* 'обладающий чалмой', т. е. мусульманин; ср. (80).
- (85) *ty* эмоциональная частица.
- (86) *yimó* неизм. мест. 1 л. мн. ч. в притяжательном значении, ср. (1), (82).
- (87) *šaye* косв. ф. ед. ч. от *šayl* м. 'голова'.
- (88) *sygeza* см. (29).
- (89) *raščópas'a* имперф. пересказ, накл. гл. 'зажигать', инф. *raščósty*, ср. (7), (35).
- (90) *d'um* м. 'дым'.
- (91) *gatl* деепр. гл. 'уходить', зд. 'восходить', инф. *gásty*.
- (92) *Imrósty* притяж. от *Imra*, ср. (1), (9).
- (93) *štris*; *štri* 'женщина', 'жена', косв. ф. *štr'a*; -*s* притяжат. аффикс 3 л. ед. ч.
- (94) -*ta* послелог направления.
- (95) -*ky* послелог адресата действия; ср. (54).
- (96) *Kymraí* жена бога Имра (тж. *Qymai*), одна из главных богинь кафирского пантеона.
- (97) *kupaša* см. (89).
- (98) *sut* числ. 'семь'.
- (99) *štó* 'звезда'; *sut štó* семь звезд — Большая Медведица.
- (100) *sto-ky* см. (9), (95). Относится к *sut štó*: *stó-ky* *kulel* 'их называли', 'про них говорили'.
- (101) *stósty* ж. р. притяж. мест. *sdy*. Относится к *Kymraí*.

102) *ju:k* ж. 'девушка', 'дочь'.

(103) *ašt* 3 л. мн. ч. наст. вр. изъяв. накл. связки. Ед. ч. 1 л. (*a:súm*, 2 л. (*a:s'úš*, 3 л. (*a:sy*; мн. ч. 1 л. (*a:sýmíš*, 2 л. (*a:sér*, 3 л. *ášt*.

(104) *rgólei* прич. П. гл. 'достигать' (инф. *rgósty*)+союз *ei*; ср. (29); *dyum gáti...* *rgólei* 'дым поднимался... и достигал'.

Перевод

I. Наши прежние люди, говорят, ничему не поклонялись¹. Их обычай молиться был таков: [если] где был большой источник и [если] там была ровная лужайка и большой камень, [то], придя туда, клали на камень ком сливочного масла и [ветку] арчи, и один человек становился жрецом². Став жрецом, он смотрел в небо и громко произносил [заклинания].

II. После того как он произнес [те] слова, то у него в руке появлялось либо лепешка, либо что-нибудь другое³. Он делил эту лепешку понемногу между людьми. Съев ее, они говорили такие слова: «О Имра! О бог, властвующий над людьми! О Багишт!» — и жрец, стоя впереди и простирая руки к небу, говорил: «О Имра! Тебе [эта] молитва!»

III. Когда он это скажет, другие говорили: «О Имра! О Сундари! Тебе [эта] молитва! Сгуби тех, что [ходят] в белых чалмах, и увеличь нас»⁴. Сказав: «Сгуби тех, что в чалмах, и возвысь нас», зажигали арчу. Дым, поднимаясь, достигал жены Имра (говорят, ее называли Кымрай, а семь звезд [Большой Медведицы] на небе считались ее дочерьми).

Примечания к переводу

¹ Т. е. не были идолопоклонниками. Защищая своих предков от этого обычного в устах мусульман обвинения, рассказчик допускает сознательную неточность.

² Т. е. выполнял функции жреца.

³ Будучи мусульманином, рассказчик тем не менее не сомневается в том, что дело именно так и обстояло в действительности и что в руке у жреца-кафира появлялся дар богов.

⁴ Переведено дословно; очевидно, следует понимать как: «сделай так, чтобы нас стало больше, а мусульман — меньше». Кафиры несомненно остро ощущали свою малочисленность и неравенство сил по отношению к мусульманам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев М. С., Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи), вып. 1, Сталинабад, 1953, — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. 7.
2. [Бёрнс А.], Путевые записки сэра Александра Борнса, М., 1847.
3. Вавилов Н. И., Земледельческий Афганистан, — Избранные труды в пяти томах, т. 1, М.—Л., 1959.
4. Гаврилин В., Страна за семью печатями, — «Азия и Африка сегодня», 1968, № 9, стр. 43—45.
5. Грюнберг А. Л., К изучению дардских языков (Глангали и Земиаки) [в печати].
6. Иванов В., Проблема языков *centum* и *satəm*, — «Вопросы языкознания», 1958, № 1, стр. 12—23.
7. Поляк А. А., Нуристан (Кафиристан, — «Краткие сообщения Института востоковедения, XXXIII (Афганский сборник)», М., 1959.
8. Робертсон Дж., Кафиры Гиндукуша (извлечение). Перевели с английского А. Половцов и А. Снесарев, Ташкент, 1906.
9. Топоров В. Н., Предварительные материалы к описанию фонологических систем консонантизма дардских языков, — «Лингвистические исследования по общей и славянской типологии», М., 1966, стр. 172—192.
10. Эдельман Д. И., Дардские языки, М., 1965.

11. *Biddulph I.*, *Tribes of the Hindoo-Koosh*, Calcutta, 1880.

12. *Budruss G.*, *Die Sprache von Woţapur und Kaţarqalā*, Bonn, 1960.

13. Budruss G., Zur Mythologie der Prasun Kafiren. Festschrift Hermann Lomme , Wiesbaden, 1960.
14. Davidson I., Notes on the Bashgali (Kafir) Language,—«Journal of the Asiatic Society of Bengal», 1902, LXXI, 1, extra № 1.
15. Deutsche im Hindukusch. Bericht der Deutschen Hindukusch-Expedition, 1935, Berlin, 1937.
16. Douglas Newton, Funerary Figures of the Kafirs,—«Natural History», 1963, vol. 72, № 6, стр. 40—47.
17. Edelberg Lennart, Nuristanske sølvpokaler (отгиск из KUML, 1965).
18. Grierson G. A., Linguistic Survey of India, vol. VIII, pt II, Calcutta, 1919.
19. Ivanow W., A specimen of Bashgali from Kamdesh,—«Acta Orientalia» (Leiden), 10, 1932, стр. 157.
20. Morgenstierne G., Indoeuropean k' in Kafiri,—NTS, 1945, XIII, стр. 225—238.
21. Morgenstierne G., The language of the Ashkun Kafirs,—NTS, 1929. II.
22. Morgenstierne G., The language of the Prasun Kafirs,—NTS, 1949, XV.
23. Morgenstierne G., Notes on Shumashti, a Dardic dialect of the Gawar-bati type,—NTS, 1945, XIII, стр. 239—281.
24. Morgenstierne G., Some Kati myths and hymns,—«Acta Orientalia» (Leiden), 1951, XXI, стр. 3.
25. Morgenstierne, Report on a linguistic mission to Afghanistan, Oslo, 1926.
26. Morgenstierne G., The Waigali language,—NTS, 1954, XVII.
27. Raverty H. G., On the language of the Siāh-pōsh Kāfirs,—«Journal of the Asiatic Society of Bengal», XXXIII, Calcutta, 1864.
28. Robertson G. S., The Kafirs of the Hindoo-kush, London, 1896.
29. Scarcia Gianroberto, Šifat-nāma-yi Darviš Muḥammad Hān-i Gāzi. Cronaca di una crociata musulmana contro i Kafiri di Lagman nell'anno 1582 edito e tradotto da Gianroberto Scarcia, Roma, 1965 (Serie orientale Roma, XXXII).
30. Jones Schuyler, An annotated bibliography of Nuristan (Kafiristan) and the Kalash Kafirs of Chitral, pt 1, København, 1966.